

В РОЖДЕСТВО

I

Всем семейством завершая пост,
Вечером в рождественский сочельник
Мы к рождению январских звезд
Испекли медовое печенье.

Пили чай, смотрели, как к стеклу
Липли, тая, белые снежинки.
Ангелы так ходят, на полу
Не оставив ни одной слединки.

А когда ложились ночью спать,
Не могли на звёзды наглядеться.
В Рождество на сердце благодать,
Если это любящее сердце.

II

Необъятный простор Интернета
Я закрыл немотой, как дверьми.
В эти дни я и сам, как планета,
Населённая густо людьми.

Лишь прошу я у Бога немного –
Незаметно продлить торжество.
Разве мало для счастья земного
Встретить дома с семьёй Рождество?

В церкви служба, свет благоговейный
Прихожан пронизает с креста.
Праздник общий, а дома – семейный.
День рожденья Иисуса Христа.

МЕРКУРИЙ*

Всё серое небо в изорванной шкуре,
Всё призрачный цокот подков.
В утробе пространства всё скачет Меркурий,
Не ведая смены веков.

Всё ищет врагов для кровавых баталий,
Смоленск осеняя крестом.
Но нет у него ни копья, ни сандалий,
В руке голова, как шелом.

И слышно, как бьётся заоблачно сердце,
И жмутся, как змеи, к земле
Идущие против Руси иноверцы,
А всадник сияет во мгле.

В сраженье обрёл он бессмертие, веря
В победу над чёрной ордой.
Враги избегают безглавого зверя.
А русские знают – святой.

Всё серое небо в изорванной шкуре,
Всё призрачный цокот подков.
В утробе пространства всё скачет Меркурий,
Не ведая смены веков.

* * *

Когда бы слёзы матерей
Собрать в земной юдоли,
Тогда бы глубже всех морей
Разлилось море «Горе».

За ним, среди высоких гор
Под стражей вышней власти
Из всех наплаканных озёр
Сияло «Слёзы счастья».

А за долиной «Горьких бед»
С рекой небесной «Скатерть»
Всех матерей бессчётных лет
Встречала Божья Матерь.

**Меркурий – смоленский воин, уговоривший горожан выступить с дружиной против татар. Возглавил победную битву при Долгомостье под Смоленском, где лишился головы. Причислен Русской Православной Церковью к лику святых. В Успенском кафедральном соборе хранились его копё, шлем и железные сандалии. Копё украли французы в 1812 г., а шлем – немцы в 1941-1943 гг. Ныне в Успенском соборе хранятся сандалии святого Меркурия.*

КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ

Являя Моравии образ господний,
На книгу сменяющий меч,
Два греческих брата Кирилл и Мефодий
Крестили славянскую речь.

– Откуда балканцу знать буквы латыни?
Язычник Христа не постиг.
И Фотий ответил Кириллу:
– Отныне
Знать книгам болгарский язык.

Кириллицей стала в молитвах столетий
Глаголица древних славян.
Певучая азбука – «Аз, Буки, Веди...» –
Не Богом ли послана нам?

За всё, что, вгрызаясь в познания камень,
Узнал я из жизни и книг,
Обязан тебе и навек благодарен,
Учитель мой, русский язык.

Храни себя в книгах, молитвах, народе,
А там, за пологом зари,
Тебя сохраняют Кирилл и Мефодий –
Святые славянской земли.

МОЛИТВА МОНОМАХА

Денёк, одетый в белую рубаху,
Под гусли солнца пел о синеве.
У памятника князю Мономаху
Я приютился нотой на скамье.

Колокола Успенского собора
Не нарушали главной темы дня.
Земля и небеса, друг другу вторя,
Благих звучаний ждали от меня.

И я запел, не вслух – душой, как птица
В стремленье песней взмыть за облака.
Мне бронзовой улыбкой Мономаха
Вдруг улыбнулись древние века.

Вдруг в княжеских руках раскрылась книга.
Затрепетало солнце, как свеча,
Лучом коснувшись впрянувшего лика.
И голос Мономаха зазвучал:

«Премудрости наставник и податель
Благого смысла, научи пути,
Дай нищему спасение от знати,
И в разуме мне сердце утверди.

Даруй моим устам познание слова,
Не запрещай, упав, взывать к Тебе.
Всемиловитый, дай надежду крова
Господнего мне – падшему – в мольбе.

Помилуй, Боже, за дела земные!
Суди, не осудив на ад за грех.
Поверь молитвам пресвятой Марии,
И ангелов, и мучеников всех».

* * *

Ирине Ладыженковой
Жанне Макаренковой

Труба оживала: «Фью-у-у..» –
флейтой над крышей.
Поскрипывал снег от невидимых ног.
Казалось, что небо морозное дышит.
Встревоженный, больше уснуть я не смог.

Гирляндами снега укрылись деревья,
Сияя пронзительно белым огнём.
Душа разрывалась от детского пенья,
На празднике в церкви звучавшего днём.

Девчущки, парящие в платьицах белых,
Их мамами сшитых как будто из роз,
Легко с вдохновением ангельским пели:
«...В хлеву в Вифлееме родился Христос...»

Был в церкви святой Иоанна Предтечи
Рождественский праздник, шла сказка о том,
Как ёлка, накинувши звёзды на плечи,
Пришла со зверями на встречу с Христом.

Всю ночь я продумал...

Не так уж и сера
Российская жизнь, а верней – не везде.
А если ослабнет в сомнениях вера,
Послушай, как дети поют о Христе.

ЧЕЛОВЕК–ОРКЕСТР

Я ночью сочинял стихи
В осеннем солнечном саду.
И были рифмы так тихи,
Что сомневался – не найду.

Но как опавшая листва,
Они нахлынули с берёз.
И шёпот каждого листа
Усиливал реальность грёз.

Кружился сад, кружился мир,
Кружилась пьяно голова,
Лились мелодии в эфир,
Сплетались нотные слова

В узоры радужных стихов,
Как в гимны дивных королевств,
Как в лебедей из рукавов...
И был я человек-оркестр.

Но в безъязыких простынях
Проснулся я, и теребя
Ткань памяти, стихи из сна
Пытался вспомнить, как себя.

Всё тщетно. Всё не то, не так.
И тем поэзия права,
Что в сущности большой пустяк
Произнесённые слова.

Что вот – слов нет, а мир вокруг
Стоит у чуда на краю.
В нём самый маленький паук
Плетёт поэзию свою.

Не потрясёт благих основ
Живой поэзии беда,
Что ты красивых слов из снов
Не можешь вспомнить иногда.